

ИРАНО-ТУРКМЕНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Владимир МЕСАМЕД

*представитель журнала «Центральная Азия и Кавказ»
на Ближнем Востоке
(Иерусалим, Израиль)*

За 15 лет, прошедших после развала СССР, Исламская республика Иран накопила достаточно разнообразный опыт двусторонних отношений с новыми независимыми постсоветскими государствами, то есть с бывшими союзными республиками. В разрезе отношений с государствами Центральной Азии следует прежде всего отметить, что ИРИ была одной из первых стран, признавших их независимость и установивших с ними равноправные отношения. Минувшие полтора десятилетия показали, что каждая из версий межгосударственных связей приобрела в ЦА собственную специфику, свой комплекс наслоений и конъюнктурных особенностей, мешающих поступательному развитию диалога.

В этом контексте отношения между Тегераном и Ашхабадом можно назвать наиболее стабильными и динамичными, доказывающими силу заложенного в них потенциала. Это позволило первому президенту Туркменистана Сапармурату Ниязову (ныне покойному) в 2003 году в своей речи «Как трудно строить государство» заявить следующее: «У нас братские

отношения с иранским народом, лишённые взаимной подозрительности». Такая характеристика вполне адекватно отражает нынешние реалии Центральной Азии. Ирано-туркменские отношения практически не отягощены раздражающими обе стороны диалога моментами, минимально лимитируются сдерживающими противовесами. На таком фоне выпукло просматриваются проблемные стороны отношений ИРИ с другими странами региона. Так, отношения Ирана с Казахстаном осложняются желанием Астаны максимально реализовать прозападный и пророссийский векторы своей внешней политики. В последнее время в пристрастиях РК все более проявляется и прокитайское направление. На отношения Тегерана с Ташкентом накладывается гипертрофированная боязнь использования канала двусторонних связей для экспорта идей исламского фундаментализма. На сотрудничество с Таджикистаном, преподносимое иранскими СМИ как наиболее искреннее в свете этнической общности, накладываются отрицательные эмоции Ирана, обусловленные широким военным со-

трудничеством Душанбе со странами Запада и Россией. Тот же мотив осложняет отношения с Кыргызстаном, приобретающие, однако, в последнее время завидный динамизм, объясняющийся, как нам кажется, желанием Бишкека минимизировать военное сотрудничество с Вашингто-

ном. Что касается связей Туркменистана с ИРИ, то они строятся исключительно на базе все более утверждающейся в современном мире экономической целесообразности и при почти полном игнорировании время от времени возникающих политических разногласий.

Особенности связей Тегерана с Ашхабадом

Главная особенность отношений Ирана с Туркменистаном заключается в том, что их обоюдное влечение друг к другу обусловлено отсутствием иного естественного выбора. Оба государства обречены на активные двусторонние связи, что в очередной раз подтвердил 8 марта 2007 года в телефонной беседе с президентом ИРИ новый глава Туркменистана Гурбангулы Бердымухаммедов¹. Эти страны объединяет общая граница, к которой примыкают четыре из пяти областей Туркменистана, а также многовековая историческая, конфессиональная и цивилизационная близость. Территория нынешнего Туркменистана неоднократно входила в состав исторического Ирана, а столица легендарной ираноязычной Парфии, Ниса, располагалась по соседству с нынешней туркменской столицей.

Развивая двусторонние отношения, Иран преследует прежде всего прагматические цели — укрепить свои позиции в ЦА, извлечь максимальную выгоду как из наличия в соседней республике громадных запасов углеводородов, так и из ее удобного геополитического положения на перекрестке транзитных путей. Еще один весомый фактор добрососедства — наличие на севере ИРИ значительного массива туркменского населения, в значительной мере сохранившего родственные связи по ту сторону границы. Касательно этого отметим, что за минувшие 15 лет ни одна из двух стран не пыталась использовать в политической игре этнический фактор, как происходит, например, в отношениях между Ираном и Азербайджаном.

Важно и то, что оба государства в равной мере могут считаться изгоями. Для Ирана это обусловлено конфронтационной политикой религиозного руководства, восставшего против себя изрядное число стран, к тому же не только на соседнем геополитическом пространстве, но и во всем мире. С 2005 года — после прихода к власти в ИРИ неоконсерваторов во главе с президентом Махмудом Ахмадинежадом — изоляция страны еще более усугубилась. Нерешенность ее ядерной проблемы толкает мировое сообщество на введение политических и экономических санкций, что существенно понижает престиж Ирана на международной арене, а дружба с ним отнюдь не всегда рассматривается как благо и дает основание для заявлений типа «Кому охота вместе с Ираном отрезать себя от удовольствия западной цивилизации»². Что же касается изоляции Туркменистана в современном мире, то она результат проявления беспрецедентных тоталитарных тенденций, последовательно усугублявшихся президентом С. Ниязовым, следствие грубого нарушения его режимом прав человека, полного забвения демократии, преступных деяний

¹ См.: Президенты Ирана и Туркменистана подтверждают решимость углублять и расширять сотрудничество во всех сферах [mehnews.com], 8 марта 2007 (на фарси).

² Гуцин О. И не друг, и не враг, а так... // Россия, 28 декабря 2006 — 10 января 2007.

против собственного народа. Однако эти обстоятельства никоим образом не влияют на межгосударственные отношения, практически не вызывают реакции ни в Тегеране, ни в Ашхабаде.

Их двусторонние связи демонстрируют значительный потенциал Ирана в плане оказания всесторонней помощи новым независимым постсоветским государствам. Отработана и эффективно действует правовая база сотрудничества, включающая около 150 договоров и соглашений по широкому спектру направлений, в том числе по такому нечасто встречающемуся в мировой практике аспекту, как взаимная юридическая помощь гражданам обеих стран³. Стабильная внутренняя ситуация в этих республиках благоприятствует развитию транзитных операций через территории как Ирана, так и Туркменистана. ИРИ стала одним из важнейших экономических партнеров Туркменистана, занимая ныне второе (после России) место в двустороннем товарообороте: за истекшие 15 лет его объемы увеличились с 52 тыс. долл. в 1992 году до 1,4 млрд долл. в 2006-м. В Туркменистане открыты представительства свыше 200 иранских фирм. При этом, согласно заявлению главы иранского МИД Манучехра Моттаки, сделанному им в ходе визита в Ашхабад (март 2007 г.), объемы двустороннего сотрудничества — особенно в таких приоритетных областях, как энергетика, нефтегазовая отрасль и выработка электроэнергии, — покрывают далеко не весь его потенциал⁴. При помощи ИРИ в Туркменистане реализовано (или находится на стадии реализации) около 100 промышленных объектов, имеющих большое значение для национальной экономики. Это позволило Туркменистану приобрести самые современные технологии, в частности в сферах хай-тека, коммуникаций, стройматериалов, медицинских препаратов, комплексов химической водоочистки и др. Ашхабад высоко оценивает и помощь в создании транспортной инфраструктуры. Железная дорога Теджен — Серахс — Мешхед, введенная в эксплуатацию в мае 1996 года, открыла для страны кратчайший путь в государства Ближнего Востока и существенно способствовала восстановлению Великого шелкового пути. С 1998 года по указанной магистрали перевезено 14 млн т грузов, что пополнило казну Туркменистана на 218 млн долл. Успех этого проекта обусловил продолжение двустороннего сотрудничества. Так, в конце ноября 2006 года правительство ИРИ одобрило присоединение Ирана к международному проекту строительства трансасиатской железной дороги, что создает договорно-правовую базу для интенсификации ирано-туркменистанского партнерства в транспортной сфере.

Приоритетное направление сотрудничества — нефтегазовый сектор: Иран стал основным импортером туркменистанской нефти. Его доля уже в 1997 году достигла 52% и продолжает ежегодно увеличиваться. В июле 1998-го было подписано первое соглашение о транспортировке туркменистанской нефти в иранские порты Персидского залива. Фирмы ИРИ участвуют в разведке и бурении скважин, выиграв несколько международных тендеров. Но еще интенсивнее развивается сотрудничество в газовой сфере, открывшее Туркменистану широкие возможности экспорта газа в Иран и создавшее потенциал транспортировки голубого топлива транзитом через иранскую территорию в государства Средиземноморья, Европу, а через иранские порты в Персидском заливе — в страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Иранский коридор имеет для Ашхабада и политическое значение: он позволил покончить с монополией Москвы в транзите туркменистанского голубого топлива и выйти на рынок вне постсоветского пространства. Для газовой отрасли Туркменистана крайне важна помощь ИРИ в прокладке трубопровода

³ См.: Меджлис утвердил три соглашения между Ираном, Туркменистаном и Таджикистаном // ИСНА, 17 апреля 2007 (на фарси).

⁴ См.: Новый президент Туркменистана сказал, что он верен прежним двусторонним соглашениям [<http://www.roshangari.net>], 17 марта 2007 (на фарси).

Корпедже — Курт-Куи протяженностью 200 километров, введенного в эксплуатацию в 1998 году и ставшего экспортной газовой магистралью, альтернативной российским. Его первоначальная пропускная способность составляла 6 млрд куб. м в год, а в 2006-м достигла 12 млрд куб. м. По всей видимости, потребуются дальнейшее расширение этой трассы, так как Тегеран хотел бы закупать в Ашхабаде 14 млрд куб. м. ИРИ на 80% обеспечила финансирование строительства упомянутого газопровода и подписала обязательство по закупке транспортируемого топлива в течение 25 лет. Согласно официальным данным, в 2007 году Туркменистан добудет 80 млрд куб. м газа, что на 20% превысит уровень предшествующего года⁵. По заявлению нового президента страны Гурбангулы Бердымухаммедова, возрастающие объемы добычи голубого топлива позволяют гарантировать его договорные поставки в Иран. Несомненный интерес ИРИ вызывают и вполне реальные перспективы увеличения добычи газа⁶. Однако в плане его транспортировки руководство Ашхабада придерживается идеи диверсификации маршрутов, что, разумеется, снижает возможности иранского транзита. Именно так можно оценивать достигнутые 12 мая 2007 года договоренности о строительстве прикаспийского газопровода. На встрече президентов России, Казахстана и Туркменистана в городе Туркменбаши (восточное побережье Каспия) была подписана совместная декларация, инициирующая трехстороннее сотрудничество по созданию экспортной магистрали (ее прокладка начнется во второй половине 2008 г.). На протяжении 360 км она пройдет по территории Туркменистана, 150 — Казахстана, а затем состыкуется с действующим еще с советского времени газопроводом Средняя Азия — Центр. Через него туркменское голубое топливо можно поставлять на европейские рынки. Эту магистраль вполне допустимо рассматривать как «удар по попыткам Запада в создании альтернативы российским трубопроводам»⁷. Согласно ряду публикаций в российских СМИ, подобным образом блокируется строительство альтернативного транскаспийского газопровода в обход РФ, идею которого продвигали западные страны, в том числе США⁸.

Иран рассматривает этот газопровод как «конец сладких грез Запада, который пытался в последние несколько месяцев добиться симпатий преемника С. Ниязова и склонить его к сотрудничеству с Западом в трубопроводной политике, чтобы оттеснить Россию»⁹. К 2012 году пропускная способность новой магистрали достигнет 20 млрд куб. м, а ее стоимость составит 1 млрд долл. Однако Г. Бердымухаммедов не отказывается и от идеи лоббируемого Западом транскаспийского газопровода, считая, что его сооружение отвечает мировой тенденции диверсификации маршрутов транспортировки энергоносителей.

Обе страны сотрудничают и в создании общей энергосистемы. В 2003 году сдана в эксплуатацию совместно построенная ЛЭП между городом Балканабат (Туркменистан) и иранским Алибадом. Соглашение о поставках электроэнергии в Иран подписано на 25 лет и ежегодно приносит Туркменистану доход в 120 млн долл. Начато строительство еще одной ЛЭП — из туркменского г. Мары в иранский Мешхед. С вводом ее в эксплуатацию ИРИ сможет ежегодно получать из соседней республики 2,4 млрд кВт/ч. По итогам 2006 года Иран стал крупнейшим импортером электроэнергии из Туркменистана: его доля составила 55%.

В ИРИ придают большое значение сотрудничеству с Туркменистаном, характеризуя его как образцовое. Укрепление дружественных отношений с северным соседом стало

⁵ См.: Туркмения вдвое увеличила поставки газа в Иран [iran.ru], 12 апреля 2007.

⁶ См.: Нейтральный Туркменистан, 3 апреля 2007.

⁷ Russian, Central Asian Leaders Strike Crucial Natural Gas Pipeline Deal // Associated Press, 12 May 2007.

⁸ См.: Новые известия, 14 мая 2007.

⁹ Конец грез Запада по поводу овладения газом Центральной Азии [http://www.isna.ir], 13 мая 2007 (на фарси).

одним из приоритетных направлений внешней политики Тегерана. Широко практикуется обмен визитами лидеров двух стран. С Сапармуратом Ниязовым за время своего президентства (1989—1997 гг.) А.А. Хашеми-Рафсанджани встречался 16 раз. Сменивший его на этом посту С.М. Хатами (1997—2005 гг.) нанес в Ашхабад свой первый зарубежный визит. Нынешний (с августа 2005 г.) президент ИРИ Махмуд Ахмадинежад, консервативная идеология которого остается в Ашхабаде практически незамеченной, внес коррективы в приоритеты Ирана и совершил свой первый визит в Дамаск. Однако, находясь в Туркменистане в ходе своего первого центральноазиатского турне (июль 2006 г.), он заявил, что его государство не ставит никаких ограничений, касающихся развития отношений с Туркменистаном, а также высказался за максимально полное использование возможностей сотрудничества двух стран¹⁰.

Несомненным плюсом добрососедства Иран считает стабильность на своих северных границах. В свете нынешней неустойчивости отношений ИРИ с ее главным внешнеполитическим недругом США руководитель Центра международных исследований иранского МИД Расул Мусави считает эту составляющую двустороннего диалога жизненной необходимостью для его республики, справедливо подчеркивая, что в ближневосточном регионе Ирану не досталось спокойного соседства¹¹. Немалый рациональный интерес для ИРИ представляет такая особенность международного статуса Туркменистана, как беспрецедентное в мировой практике объявление постоянного нейтралитета основой своей внешней политики. Чисто прагматически этот статус позволял лидеру Туркменистана успешно лавировать между полюсами силы современного мира, «не боясь вызвать раздражения сильной и авторитетной Америки»¹². Для Тегерана важно и то, что декларируемый Ашхабадом нейтралитет служит сдерживающим фактором, позволяющим ему дистанцироваться от участия в международных блоковых структурах. В материалах прошедшего в Тегеране симпозиума «Туркменистан после Сапармурата Ниязова» (январь 2007 г.), на котором выступило много иранских политологов, была выражена надежда, что эта специфичность внешней политики Туркменистана не будет пересмотрена, ибо она отвечает национальным интересам ИРИ.

Этот странный нейтралитет

С. Ниязов аргументировал необходимость постоянного нейтралитета тем, что он эффективно способствует экономическому прогрессу страны, ее динамичному вхождению в ряд развитых государств мира. В реализации этой политики у президента Туркменистана имелись большие возможности избежать критики извне по поводу его абсолютной личной власти и подавления минимального проявления инакомыслия. В этой связи С. Ниязову удалось практически закрыть республику для внешнего мира, разрешив въезд в нее лишь высшим руководителям и бизнесменам, а также сведя к минимуму обсуждение вопросов политической ситуации в стране. В Иране, однако, приветствовали такой международный статус Туркменистана, считая, что именно реализация политики нейтралитета сделала возможной эффективность проведенных в Ашхабаде переговоров между участниками таджикского мирного процесса, позволивших подписать Соглашение 1997 года, и переговоров с лидерами фундаменталистского движения афганских талибов, существенно продвинувших внутриафганское урегулирование.

¹⁰ См.: По законам добрососедства [turkmenistan.ru], 26 июля 2006.

¹¹ См.: Туркменистан после Сапармурата Ниязова: Иран надеется, что Туркменистан продолжит политику нейтралитета [isna.ir], 3 января 2007 (на фарси).

¹² Гуштин О. Указ. соч.

Вместе с тем именно по отношению к режиму талибов у ИРИ возникли существенные политические разногласия с Ашхабадом. Поначалу С. Ниязов поддерживал противостоящий талибам Северный альянс. В этом он находил полное взаимопонимание с иранским руководством, видевшим в движении «Талибан» своего конкурента в борьбе за региональное лидерство. Однако уже осенью 1996 года, когда талибы реально стали наиболее влиятельной военно-политической силой в Афганистане, С. Ниязов пошел на сближение с ними. Вплоть до 2001 года, пока мировое сообщество осуждало движение «Талибан», президент Туркменистана поддерживал с ним конструктивные деловые связи и даже открыл Генеральное консульство в Герате — важнейшем центре северо-западного Афганистана. Это объяснялось экономическими причинами: в декабре 1997 года Ашхабад подписал договор о формировании консорциума с целью прокладки газопровода из Туркменистана в Пакистан через афганскую территорию.

Игнорируя инициированный Ираном и Россией саммит по противодействию угрозе экспансии талибов в Центральной Азии, состоявшийся в Алматы в октябре 1996 года, Туркменистан противопоставил себя согласованной линии этих стран, рассматривавших талибов как угрозу безопасности региона. Свою позицию С. Ниязов оправдывал тем, что, на его взгляд, талибы были интегрирующей и стабилизирующей силой, способной преодолеть раскол Афганистана по этническому принципу. Взяв за основу экономические приоритеты, Ашхабад придерживался политики налаживания диалога с талибами. В 1998 году была образована трехсторонняя комиссия с участием талибов, Туркменистана и Пакистана в целях реализации проекта газопровода от туркменского месторождения Довлетабад до пакистанского города Мултана через афганскую территорию. С прокладкой этой магистрали Туркменистан получил бы емкий рынок Пакистана, а Афганистан — существенные доходы от транзита и возможность частично разрешить проблемы занятости (во время строительства газопровода). Пакистан же мог рассчитывать на длительную перспективу гарантированного обеспечения энергоносителями. Естественно, Иран оценил проект отрицательно: с его потенциальной реализацией возникла бы альтернативная транспортная артерия, не отвечающая иранским интересам в свете начинавшегося в те годы сотрудничества по прокладке магистрального газопровода в Индию. Однако есть еще одно объяснение, оправдывающее тесные связи Туркменистана с талибами: Ашхабаду было невыгодно противостоять их силам, ибо это могло дестабилизировать ситуацию в Туркменистане. Тем не менее тогдашнее сближение с талибами сказалось на его отношениях с Ираном: произошло временное замедление темпов сотрудничества, а в 1998 году был даже на время отозван иранский посол в Ашхабаде.

Что впереди?

Тегеран ни в коей мере не хотел бы ухудшения отношений с Ашхабадом, рассматривая его в качестве стратегического партнера. Явно недемократические методы Туркменбаши, его авторитарный стиль принятия решений приводили к неустойчивости и некоторой нестабильности отношений с ИРИ, на что обращала внимание и иранская пресса¹³. В Тегеране рассчитывают, что в случае успешного развития туркменистанского нефтегазового комплекса иранская территория может стать основным транзитным маршрутом его экспорта на мировые рынки. В то же время Туркменистан вряд ли склонен переоценивать перспективы сотрудничества с Ираном. Набирающий силу процесс развития отношений первого с Западом неизбежно сыграет роль сдерживающей силы в туркмено-иранском

¹³ См.: Салам (Иран), 24 апреля 1999.

диалоге. В краткосрочной перспективе Запад будет стремиться ограничить конкурирующее российское и иранское влияние в этой республике, а ныне рассматривает постниязовский период как время возможных перемен. По этому поводу уже высказался председатель ОБСЕ, глава МИД Испании М.А. Моратинос, считающий, что в Туркменистане происходят постепенные перемены и необходимо углубить диалог с его руководством¹⁴. В надежде на это Вашингтон разрабатывает программу нового сотрудничества с Ашхабадом, которое, как отмечает заместитель помощника госсекретаря США по делам Европы и Евразии Мэтью Брайза, может стать абсолютно новой главой в отношениях с Туркменистаном¹⁵. В частности, фирмы Соединенных Штатов укрепляются на рынке сельскохозяйственной техники, подписав долгосрочные контракты на ее поставки в Туркменистан. Представительная делегация Минсельхоза республики, в апреле 2007 года посетившая США, подписала ряд контрактов в этой сфере. Ранее с президентом Г. Бердымухаммедовым встретились представители американских компаний, производящих сельскохозяйственную технику.

В нефтегазовом секторе — основе туркменистанской экономики — это может выразиться в широком инвестиционном участии Запада в масштабных проектах, включая строительство экспортных трубопроводов из Туркменистана в обход территории Ирана. В этом плане можно отметить обозначившееся сотрудничество с американской компанией «Шеврон» (одним из признанных мировых лидеров нефтегазового бизнеса), делегация руководителей которой в мае 2007 года встретила с президентом Туркменистана и получила предложение рассмотреть вопросы партнерства в геологоразведке, переработке нефти, освоении месторождений туркменского шельфа Каспия. В таком же контексте можно рассматривать достижение договоренности о широком участии крупнейших фирм Саудовской Аравии в инвестиционной деятельности, касающейся туркменистанского нефтегазового комплекса.

Новое руководство Туркменистана не намерено отказываться и от сотрудничества с Израилем, несмотря на крайне негативное восприятие такой реальности в Иране. Так, свое многолетнее партнерство с Ашхабадом продолжит крупная израильская компания «Мерхав», уже выполнявшая функции представителя правительства республики в ряде крупных проектов нефтегазового комплекса. Так, «Мерхав» сумела привлечь на реконструкцию Туркменбашинского комплекса нефтеперерабатывающих заводов иностранные инвестиции (1,5 млрд долл.), а к настоящему времени вошла в число двух наиболее влиятельных в Туркменистане зарубежных бизнес-групп¹⁶. 27 марта 2007 года руководителей этой компании принял президент Туркменистана, которому представили новые предложения по активизации туркмено-израильского сотрудничества. А глава республики заявил на встрече, что полностью доверяет компании, так как видит в ней надежного и проверенного временем партнера¹⁷.

После смерти С. Ниязова

В Иране внимательно отслеживают последние изменения в политической жизни Туркменистана, связанные со смертью С. Ниязова. Как считают местные аналитики, это печальное событие вряд ли окажет существенное влияние на продолжение ирано-туркме-

¹⁴ См.: Действующий председатель ОБСЕ призвал Туркменистан усилить сотрудничество с Организацией [<http://gundogar.org>], 12 апреля 2007.

¹⁵ См.: Руководство США намерено расширять сотрудничество с Туркменией [<http://gundogar.org>], 18 апреля 2007.

¹⁶ См.: Туркменистан: влиятельная израильская компания «Мерхав» остается работать в стране [<http://www.fergana.ru/news>], 28 марта 2007.

¹⁷ См.: Нейтральный Туркменистан, 28 марта 2007.

нистанского партнерства. В официальном соболезновании на имя тогдашнего и.о. президента Туркменистана Гурбангулы Бердымухаммедова, которое подписал председатель Ассамблеи определения целесообразности принимаемых решений, бывший глава ИРИ Али-Акбар Хашеми-Рафсанджани, отмечалось, что заслугой покойного президента является то, что двусторонние отношения стали примером для стран региона¹⁸. Уже после официального вступления в должность президента Г. Бердымухаммедов заявил в беседе с министром иностранных дел Ирана М. Моттаки, что его государство сохраняет верность всем взятым на себя обязательствам по реализации двусторонних соглашений¹⁹.

Иранские СМИ откликнулись на смерть Туркменбаши аналитическими публикациями, в которых заметна обеспокоенность тем, будет ли постниязовская эра столь же предсказуемой, как при его жизни. По мнению отражающей взгляды иранских реформаторов газеты «Айандейе ноу», уход из жизни С. Ниязова немедленно оживит конкуренцию между двумя полюсами силы — Россией и США — за влияние на новое политическое руководство страны, что даже может обрести характер скрытой войны²⁰. Газета «Эбтекар» связывала неожиданную кончину С. Ниязова с началом периода неопределенности в судьбе республики. А газета «Джаван» писала, что смерть туркменского лидера вызовет много вопросов относительно будущего соседней страны, но никоим образом не повлияет на продолжение двустороннего диалога.

Через несколько месяцев после кончины С. Ниязова в иранской прессе появились публикации о том, каковы новые политические реалии Туркменистана, насколько серьезен этап происходящих в нем перемен. Информационное агентство «Мехр» отмечало, что в ходе предвыборной кампании Г. Бердымухаммедов дал слово сохранить преемственность той линии во внутренней и внешней политике, которую проводил покойный президент, но при этом заявил о приверженности реформам в сферах здравоохранения, народного образования и «даже политической системы», где он намерен покончить с однопартийным устройством, унаследованным от советских времен. Как несомненное достоинство Г. Бердымухаммедова оценивается его готовность избавиться от наиболее одиозных символов культа личности С. Ниязова, причем одновременно с усилением своей частной власти. Рассказывая о новом лидере республики, «Мехр» выразила удивление, что он занимал министерский пост 10 лет. «Это сродни чуду, потому что в этой центральноазиатской стране было невозможно столь долго быть во властной элите, которую всеильный самодержец Туркменбаши регулярно прореживал, отправляя в тюрьмы и ссылки всех высокопоставленных чиновников»²¹.

Среди статей, опубликованных в СМИ Ирана, отметим аналитический материал Абузара Ибрахими Торкмана на сайте [www.baztab.com]. Как считает автор, за последние годы эта небольшая республика совершила значительный прогресс, выдвигаясь на роль экономического лидера Центральной Азии. «Покойный президент вдохнул в туркменів утраченное ими чувство национального достоинства». Выдвижение Г. Бердымухаммедова в качестве преемника С. Ниязова, пишет Торкман, избавило мировое сообщество от беспокойства по поводу того, насколько радикально может измениться политический курс этой страны на новом историческом этапе. Как несомненный прогресс в политической жизни государства автор рассматривает альтернативный характер президентских выборов, наличие шести кандидатов, имеющих собственное видение необходимых стране социально-политических перемен.

¹⁸ См.: Хашеми-Рафсанджани шлет соболезнования народу Туркменистана [isna.ir], 22 декабря 2006 (на фарси).

¹⁹ См.: Новый президент Туркменистана сказал, что он верен прежним двусторонним соглашениям.

²⁰ См.: Айандейе ноу, 22 декабря 2006.

²¹ Бердымухаммедов — человек, всегда верный Туркменбаши [http://www.mehrnews.com], 11 апреля 2007 (на фарси).

По мнению иранского аналитика, на новом этапе требуется корректировка подходов к реализации двустороннего сотрудничества.

Во-первых, нужно преодолеть минимальные трения, существующие между двумя республиками и осложняющие их диалог. Единственным такого рода моментом были противоречия, связанные с ценой на газ, что иногда даже приводило к прекращению его экспорта в Иран. Сбалансированный подход к этой проблеме позволит максимально гармонизировать двусторонние отношения. Исходная их база — историческое и цивилизационное сходство, общая граница, принадлежность к одной религии (исламу) — позволяет легко достичь этой цели.

Далее. Первый президент Туркменистана заложил прочный фундамент двустороннего диалога. Отсюда вытекает необходимость сохранить преемственность, чему новое руководство страны должно неукоснительно следовать.

В Иране считают необходимой реализацию обещаний нового президента, которые можно рассматривать как исправление ошибок и преодоление наслоений недавнего прошлого. К этому ряду иранский аналитик относит реформу школьного образования, выход республики из информационной изоляции путем широкого доступа населения к Интернету, признание дипломов о высшем образовании, полученных в зарубежных вузах, и др. Автор отмечает и то, что благодаря своей политической изворотливости С. Ниязов успешно лавировал между двумя важными полюсами силы — США и Россией, извлекая из этого значительные политические и экономические дивиденды для своей страны. Важно, чтобы новое руководство Туркменистана умело обошло расставляемые этими державами капканы и не попало в западню. Дипломатии Тегерана и Ашхабада предстоит большая работа, направленная на сохранение приоритетного характера двусторонних отношений во благо народов обеих республик. Главный вывод иранского аналитика таков: обе страны накопили огромный капитал взаимодействия. Важно не только не утратить его на нынешнем этапе перемен, но и использовать как трамплин для качественно нового скачка. «Это необходимо делать немедленно, дабы не потерять уже имеющееся»²².

На смерть С. Ниязова откликнулось и иранское научное сообщество. Симпозиум «Туркменистан после Сапармурата Ниязова», прошедший в январе 2007 года на базе Тегеранского университета, рассмотрел многие проблемы, связанные с реалиями сегодняшнего Туркменистана и его ближайшим будущим. Руководитель Департамента стран СНГ МИД Ирана Ага-Джани высказал на мероприятии следующую точку зрения: в Ашхабаде нет политических сил, способных в ближайшие год-два осуществить фундаментальные изменения. Он считает, что утвердившаяся в Туркменистане родоплеменная структура способствовала сохранению атмосферы коммунистического периода и законсервировала эпоху правления Туркменбаши, отбив у покорного, терпеливого и спокойного народа республики желание социального протеста и лишив сил для него. Однако смерть Туркменбаши знаменует начало нового этапа, в котором будет иметь место постепенное эволюционирование политико-административной системы. Важно и то, каким образом заполнится вакуум власти. По мнению Ага-Джани, с кончиной С. Ниязова его эпоха не уходит в небытие, многие ее черты подвергнутся ревизии. Мы станем, полагает он, свидетелями постепенных изменений в структуре власти и политической системы. Часть из них уже произошла, что объясняется свершившимся пересмотром принципа перехода власти. Ага-Джани имеет в виду избрание Халк Маслахаты (Народным консультативным Советом) вице-премьера правительства Гурбангулы Бердымухаммедова исполняющим обязанности президента вместо предусмотренного Конституцией спикера парламента Овезгельды Атаева, против которого было возбуждено уголовное дело. В краткосрочной перспективе других существенных изменений в политической жизни, по мнению Ага-Джани,

²² Предложения по переустройству отношений [www.baztab.com], 5 февраля 2007 (на фарси).

не предвидится, однако в среднесрочной (до пяти лет) возможна значительная эволюция власти и политической системы. Вряд ли это будет связано с действиями оппозиции, которая находится за рубежом и никоим образом не влияет на процессы, проходящие в стране. Отношения Ашхабада с внешним миром могут осложняться лишь по одной причине — из-за цен на энергоносители, однако это не отразится на внутренней стабильности. Критику высокопоставленного чиновника внешнеполитического ведомства Ирана вызвала политика государственного контроля над ситуацией в религиозной сфере Туркменистана, но при этом он отметил, что ислам не занимает существенного места в духовной жизни народа республики. На его взгляд, новому правительству страны следует наладить диалог с оппозицией, а также отказаться от волонтаристских методов руководства, связанных с культом личности. В ином случае это может привести к негативным тенденциям во внутренней жизни государства и помешать его внешнеполитическому диалогу. Страна нуждается в большей открытости внешнему миру, что может обусловить для ее партнера — Ирана — новые перспективы двустороннего диалога²³.

На упомянутом симпозиуме профессор Тегеранского университета Аллаэ Кулаи высказала мнение, что, пользуясь всеми плюсами добрососедства с ИРИ, ныне покойный президент С. Ниязов был единственным лидером государств Центральной Азии, занимавшим однозначно независимую и четкую позицию в диалоге с Соединенными Штатами. В условиях, когда после событий 11 сентября 2001 года США сумели навязать свое военное присутствие в регионе, Туркменистан оказался его единственной страной, сумевшей избежать давления Вашингтона и не согласиться на размещение войск США или их союзников на своей территории. А. Кулаи отметила, что именно колоссальные запасы углеводородов Туркменистана позволяют ему не ввязываться в межрегиональные конфликты и занимать в них позицию, отличную от таковой других государств-соседей, как это происходит ныне в плане кризиса в американо-иранских отношениях. Туркменбаши она охарактеризовала как действительный реликт эпохи сталинизма, не допустивший в стране инакомыслия (т.е. оппозиции). Вместе с тем, считает А. Кулаи, геополитическое положение этой республики и ее нынешние политические реалии позволяют прогнозировать определенные подвижки во внутренней жизни²⁴.

Неоконсерваторы и диалог

Не исключено влияние на двусторонние отношения и факторов политической жизни Ирана. В последнее время заметно ослабление позиций неоконсерваторов, пришедших к власти в стране в 2005 году. Оно связано с тем, что на декабрьских (2006 г.) муниципальных выборах и выборах Собрания экспертов сторонники М. Ахмадинежада неожиданно потерпели серьезное поражение: основная часть избирателей предпочла исламским радикалам умеренных консерваторов. Всего за год с небольшим нахождения у власти радикалы провалили большинство обещанных социально-экономических программ. Возможно, на вершину политической жизни ИРИ вновь поднимется бывший ее президент Али-Акбар Хахеми-Рафсанджани, известный как политик прагматического направления. Таким образом, большая часть иранского электората демонстрирует свою приверженность идее подключения государства к процессам глобализации, выходу из изоляции, которая завела страну в тупик. В противовес неоконсерваторам умеренно-консерватив-

²³ См.: Туркменистан в эпоху после Сапармурата Ниязова. Культ личности и волонтаризм президента Туркменистана должен быть преодолен [<http://www.isna.ir>], 3 января 2007 (на фарси).

²⁴ См.: Туркменистан в эпоху после Сапармурата Ниязова. После Ниязова произойдут коренные изменения в политике Туркменистана [<http://www.isna.ir>], 3 января 2007 г. (на фарси).

ные силы обещают более последовательный и необратимый диалог с Западом, что положительно скажется на всем комплексе иранских внешнеполитических связей, в частности, может вернуть приоритетное внимание к отношениям страны с республиками Центральной Азии. Приход к власти в Иране неоконсерваторов во главе с нынешним президентом М. Ахмадинежадом несколько сместил акценты во внешней политике государства, перенесшиеся на исламские страны Ближнего Востока, где нынешняя администрация пытается действовать более эффективно, добиваясь реального лидерства в регионе. При внимательном анализе внесение корректив в центральноазиатский вектор внешней политики ИРИ проявляется и в деталях. Так, лишь 3 из 25 ведущих тегеранских газет откликнулись на смерть президента Туркменистана²⁵. Сообщая о прибытии иранской делегации на инаугурацию нового руководителя Туркменистана, аналитический веб-сайт «Базтаб» озаглавил эту информацию следующим образом: «Давуди (первый вице-президент ИРИ. — В.М.) отправился в Туркменистан вместо президента»²⁶.

Неизменно важный для Ирана регион не выглядит ныне территорией приоритетного внимания. Чувствуется, что даже поездки нового президента в республики ЦА не являются очередными шагами в наращивании интеграции с ее государствами, а направлены на удержание статус-кво на сегодняшнем уровне. Это, впрочем, не свидетельствует об охлаждении иранского руководства к данному региону, а лишь доказывает, что неоконсерваторы находятся на этапе определения своей стратегии на данном геополитическом пространстве.

Власти Ирана внимательно отслеживают и пытаются объективно проанализировать новые реалии стран региона за последние год-два: внешнеполитические подвижки в Узбекистане, выразившиеся в смене прозападной ориентации на пророссийскую; «тюльпановую революцию» в Кыргызстане, одним из результатов которой стала непоследовательность во внешнеполитических пристрастиях. ИРИ волнует и возможность эволюции внешней и внутренней политики Туркменистана, что связано со смертью его бессменного лидера С. Ниязова. Учитывая большую, нежели у предыдущих руководителей Ирана, антизападную составляющую внешней политики нынешнего президента М. Ахмадинежада, можно ожидать более жестких шагов ИРИ по противодействию другим внешним «игрокам» на геополитическом поле Центральной Азии. Эта жесткость может наиболее отчетливо проявиться в разрешении проблемы правового статуса Каспия, где иранская позиция наиболее близка к туркменистанской.

Тегеран постоянно выступает против того, чтобы к процессу использования углеводородов Каспия подключались внерегиональные «игроки». Этот посыл основан на том, что любые действия и предложения, исходящие от внерегиональных государств, способны лишь нанести вред региональной интеграции и подорвать взаимное доверие. Сам М. Ахмадинежад неоднократно заявлял, что Запад преследует в регионе лишь свои политические цели, не заботясь об интересах стран каспийской зоны. ИРИ же, как постоянно декларируют ее лидеры, придает (и намерен придавать) первостепенное значение региональной экономической интеграции, базирующейся на исторической, культурно-цивилизационной и географической общности. Она охватит такие жизненно важные для Ирана сферы, как торговля, транспорт, энергетика, освоение новых технологий. При этом пока интеграция идет, на взгляд ИРИ, не устраивающими ее темпами, причиной чего является вмешательство стран Запада, в первую очередь США. Учитывая отчетливо выраженный антиамериканский компонент внешней политики правительства М. Ахмадинежада, можно ожидать однозначного неприятия им возможных проамериканских тенденций во внешней политике Ашхабада. До определенного времени Тегеран не будет особенно ост-

²⁵ См.: Важнейшие заголовки сегодняшних утренних газет [mehrnews.com], 22 декабря 2007 (на фарси).

²⁶ Давуди отправился в Туркменистан вместо президента [baztab.ir], 14 марта 2007 (на фарси).

ро реагировать на это, концентрируясь на продолжении взаимовыгодного экономического сотрудничества. Но если данный процесс перейдет определенные ИРИ «красные линии», возможна ее реакция, характер которой она пока не раскрывает. В целом же не наблюдается признаков того, что базовые принципы стратегии Ирана по отношению к республикам ЦА претерпят существенные метаморфозы. Изменение тактики может диктоваться конкретной ситуацией, но преемственность стратегии Ирана относительно Туркменистана, как нам представляется, имеет все возможности для последующей реализации.

Несомненно, в ИРИ не хотели бы усиления в Туркменистане позиций других исламских государств (в первую очередь приверженцев суннитского ислама). Но именно об этом или (как минимум) о желании диверсифицировать свои отношения с мусульманскими странами свидетельствует тот факт, что свой первый зарубежный визит новый президент Туркменистана совершил в Саудовскую Аравию. Пресса ИРИ акцентирует внимание на том, что первый визит всегда символичен²⁷. Поездка Г. Бердымухамедова в Эр-Рияд заложила основы реальных контактов между двумя государствами (официально эти связи были налажены в начале 1990-х, но не обрели практического содержания). Специфичность отношений Саудовской Аравии со странами Центральной Азии, приоритетом которых является «восстановление связей этих государств со всемирной мусульманской уммой»²⁸, не могла реализоваться в эпоху первого президента Туркменистана. Разумеется, в таком контексте желание Г. Бердымухамедова перевести отношения между двумя странами в практическую плоскость свидетельствует об отходе от политических стереотипов, сложившихся в предшествующую эпоху. Состав делегации, в которую входили руководители разных направлений экономического и социально-культурного блоков правительства, продемонстрировал сферы потенциальных взаимоотношений, в том числе прогресс исламского образования, строительство мечетей и увеличение числа паломников к мусульманским святыням. Именно это направление туркмено-иранских контактов не получило при С. Ниязове существенного развития. На фоне достаточно острой конкуренции между Тегераном и Эр-Риядом за лидерство в исламском мире такой шаг может означать тенденцию к более прагматичному характеру международной политики Ашхабада в новой исторической эпохе, желание его руководства выйти за узкие рамки навязанного ИРИ братства.

Таким образом, в развитии ирано-туркменского диалога не следует ожидать существенных изменений. Вероятнее всего, с уходом из жизни авторитарного президента С. Ниязова базис взаимовыгодного сотрудничества не подвергнется принципиальной ревизии. Подобная уверенность основана на желании нового президента сохранить все «положительное», что было наработано при старом режиме. Но вместе с тем возможна умеренная либерализация социально-политической жизни, на которую новое руководство государства может пойти, чтобы повысить доверие народа к власти. Тем не менее такие реалии не окажут влияния на состояние упомянутого диалога.

²⁷ См.: Президент Туркменистана прибыл в Саудовскую Аравию [mehrnews.com], 13 апреля 2007 (на фарси).

²⁸ Косач Г.Г. Первый зарубежный визит президента Туркменистана: Саудовская Аравия- [http://www/iimes.ru], 19 апреля 2007.